

Анализ поэтических текстов Н. Рубцова An analysis of poetic texts of N. Rubtsova

Л.Е. Беженару
г. Яссы, Румыния

Пространственно-местностные рамки рубцовского текста

L.E. Bejenaru
c. Iasi, Romania

Spatial local framework of the Rubtsov's text

В рубцовском тексте можно выделить несколько видов пространств. *Художественное пространство* подчеркивает художественное осмысление мира писателем, выявляет эстетико-нравственное и духовное своеобразие поэзии представителя «первой поэтической плеяды созвездий России» (Н.И. Неженец). *Концептуальное пространство* поэта позволяет строить лингвистические и иные абстрактные модели, основанные на абстрактно-пространственных отношениях. *Социальное пространство* показано Рубцовым как пространство, «обжитое» социальными группами индивидуумов, *антропоцентрическое* – как «обжитое человеком» пространство, а *физическое* – как вид пространства биологических объектов природы. Таким образом, пространственно-местностные рамки лирики поэта очень обширны.

Ключевые слова: пространственно-местностные рамки лирики, Н.М. Рубцов, локальная сфера.

In Rubtsov's text it is possible to allocate *some types of spaces*. *The art space* emphasizes art judgment of the world with the writer, reveals an estetiko-moral and spiritual originality of the poetry of the representative of "the first poetic galaxy of constellations of Russia" (N.I. Nezhnets). *The conceptual space* of the poet allows to build the linguistic and other abstract models based on the abstract and spatial relations. *The social space* is shown by Rubtsov as the space which has been "rendered habitable" by social groups of individuals, *anthropocentric* – as "rendered habitable by the person" space, and *physical* - as a type of space of biological objects of the nature. Thus, the spatial local framework of lyrics of the poet is very extensive.

Keywords: spatial local lyrics framework, N.M. Rubtsov, local sphere.

Художественный текст – это сложное языковое пространство, в котором автор воплощает свое творческое Я путем реализации в литературной форме своего творческого замысла. По определению В.Н. Топорова, рассматривающего в своей работе «Пространство и текст» два способа понимания категории пространства – по Ньютону и по Лейбницу, «пространство – это объединение реальности, человека, текста и слова»¹. Важными для нашего исследования можно считать два основных подхода к пространственному бытию текста – ньютоновский и лейбницкий, которые помогают определить, какую нишу заполняет собой пространство и какие дополнительные проекции вмещает в себе художественный универсум лирических произведений Николая Михайловича Рубцова.

По определению Е.С. Яковлевой, «*ньютоновское*» пространство – это объективация идеи пространства, отвлеченной от восприятия его человеком. «*Лейбницкое*» же пространство одушевляется человеческим присутствием, прочитывается им². Пространство текста представлено персонажными сферами (кто?), миром материальных объектов (что?), находящихся в окрестностях и на расстояниях (где?), и сюжетным развитием темы (когда?). Референтное пространство текста состоит, по мнению Е.И. Дибровой, из персонажного, объектного, локального и временного пространств, каждое из которых имеет собственные номинативные сферы³. Упрощая философскую классификацию, в рубцовском тексте можно выделить *несколько видов пространств*. *Художественное пространство* подчеркивает художественное осмысление мира писателем, выявляет эстетико-нравственное и духовное своеобразие поэзии представителя «первой поэтической плеяды созвездий России»⁴ (по словам Н.И. Неженца). *Концептуальное пространство* поэта позволяет строить лингвистические и иные абстрактные модели, основанные на абстрактных пространственных отношениях. *Социальное пространство* показано Рубцовым как пространство, «обжитое» социальными группами индивидуумов, *антропоцентрическое* – как «обжитое человеком» пространство, а *физическое* – как вид пространства биологических форм объектов природы. Гармонию мира, свое *концептуальное пространство* автор связывает с природой, с социумом, с физическим пространством России и русской деревни, с ценностями, которые занимают в мелодическом и напевно-ритмическом начале мира Рубцова священное место. О Рубцове можно с полным правом сказать, что он жил Россией, ее историей, ее памятью, ее событиями, в которых умел видеть естественное продолжение многовекового развития своей страны и мира. *Свою* священную Родину он видит в картинах

бедной российской глубинки. Ей почти в каждом стихотворении поэт признавался в любви. Все лирические произведения Николая Рубцова, от певучих и нежных стихов о *«Родины светлом покое»*⁵, о *«прекрасном пробуждении земли»*, о *«милых ромашках»* и *«лютиках»* [2, с. 86], о *«журавлином крике над чердаком, над болотом»* [1, с. 270] до тревожных раздумий о судьбах России, на которую *«нагрянули иных времен татары и монголы»* [1, с. 204], каждый его образ, каждая строка согреты чувством безграничной любви к Родине.

Поэтическое пространство – а оно у Рубцова – *вся Россия* – просматривается насквозь; нет ни тени, ни уголка, где можно было бы что-то утаить. Он пишет о *«лесах, погостах и молитвах»* [1, с. 204] Руси не в общих чертах, а с ответственностью свидетеля. Взгляд его внимателен и нравственно беспристрастен. Рубцовские стихи наполнены *пластичной* богатой интонацией и звуковой пластикой, а смысл, только будучи вылепленным в звуке, осознается и закрепляется словом. Поэт дает читателю возможность полюбоваться красотами пейзажа. В центре природно-поэтического мира Рубцова – русская деревня, *«родная Никола»*, *«ивы, река, соловьи»* его *«тихой родины»*, с *«каждой избою»* которой он чувствует *«самую жгучую, самую смертную связь»* [1, с. 186–187]. Лейтмотив рубцовского творчества – это деревня – символ нравственной жизни, национальных корней человека. А русская деревня – это вся Россия. Она стала и лейтмотивом его философии, сущность которой *«в воплощении слияния человека и мира»*⁶ (по замечанию В.В. Кожина) и которая разлита, растворена в поэтических словесных образах. Она самобытна и неповторима. И во всем этом – верность прошлому и преемственность. Душа поэта верна той красоте, гармонии, вере, которую создал его народ. Многократно повторяясь и варьируясь, он передает поэтически возвышенное ощущение неоглядной дали русской земли с ее неповторимой красотой и древней, таинственной связью с человеческой судьбой. Именно в русской деревне, в *«лесном хуторке»*, который не просто *«мирок»*, а целый *«мир»*, находит свое спасение добрый Филя. В его портретной характеристике и манере поведения нет ничего необычного, напротив, автор как бы не выделяет его из простонародной среды. Филя проживает свой век в *«избе деревенской, без претензий и льгот... <...> ...без газа, без ванной»* [1, с. 175], но повествование автора о своем герое насыщено проникновенным лиризмом. Ему удастся передать свойственные крестьянскому мироощущению несуетные, пусть немногословные, Филины размыш-

ления о жизни и о России. Собственно пространственная, локальная сфера, переплетаясь с физическим пространством, создает необходимый фон и является обязательной характеристикой героев рубцовской лирики. Пространственная лексика, специфические морфологические формы с локальным значением, употребление в тексте в роли локализаторов различных форм существительных с пространственной семантикой реализуют пространственные отношения и пространственную организацию текста. Исходя из того, что рубцовское поэтическое слово не может звучать в пустом (и чуждом поэту) пространстве, оно звучит у великого представителя русской лирической поэзии в просторах России, в русской деревне, которая и была для Рубцова «глубиной России». Только в «*деревушке*», которая «*мать России целой*» [1, с. 227], поэт постигает закон слияния человека и мира, таким образом восстанавливая для себя цельность мироощущения и жизни в слове. Тютчевская мистическая тема «высшего познания» в акте слияния человеческой души с «душой мира» прослеживается во всем творчестве Рубцова. Только у Рубцова «душой мира» является *его Россия*, в космической бесконечности которой происходит растворение личности. Ее просторы помогают лирическому герою философской поэмы «*Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны*» осознать вечные ценности мира и радость жить в этом мире только потому, что он насыщен «сельскими видами» и дивным счастьем «...*родиться / В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!*» [1, с. 201]. В центре природно-поэтической философии Рубцова – *его Россия* и кровная привязанность к родной земле, к северной русской деревне, к «островам», которые объята «*прозябаньем, бедностью, дремотой*» [1, с. 227]. Это рубцовское чувство России говорит о его притяжении к вечным началам, о трепетном ощущении им Родины.

Пространственно-местностные рамки лирики поэта очень обширны – это изба, горница, дорога, село Никола, река Сухона, «*бескрайнее мертвое поле*» [1, с. 193], «*мое жилище*» [2, с. 59], «*сельская каморка, / Осенний бор, Гуляевская горка*» [1, с. 299], «*поле и цветы*» [2, с. 8], место «*под крышею детдома*» [2, с. 15], но прежде всего – это русская земля, «*Россия, Русь – куда я ни взгляну...*» [1, с. 204]. Эта идеальная Родина – Отчизна, «*моя родина милая*» [2, с. 131], «*тихая моя Родина*» [1, с. 186] – была для Рубцова самой сильной и единственной его любовью, его единственным пространственным локусом; эта «*задремавшая отчизна*» [1, с. 201] стала рубцовской философией и рубцовским

миропониманием, рубцовским заклинанием «Россия, Русь! Храни себя, храни!» [1, с. 204] и молитвенным отношением к миру⁷.

Примечания

¹ *Топоров В.Н.* Пространство и текст. – М., 1983. – С. 239.

² *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М., 1994. – С. 9.

³ См.: *Диброва Е.И.* Пространство текста в композитивном членении // Структура и семантика художественного текста: Докл. VIII Междунар. конф. – М., 1999. – С. 107 – 112.

⁴ Цит. по: *Тимашова Л.В.* Эстетико-нравственное своеобразие и актуальность поэзии Николая Рубцова: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – URL: <http://dissers.ru/1/11714-3-moskovskiy-gosudarstvenniy-otkritiy-pedagogicheskiy-universitet-masholohova-timashova-larisa-vladimirovna.php> (дата обращения: 15.03.2011).

⁵ *Рубцов Н.М.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст., примеч. В.Д. Зинченко. – М., 2000. – С. 91 (далее ссылки на это издание даются непосредственно в тексте сборника с указанием тома и страницы. – *Примеч. ред.-сост.*).

⁶ *Кожин В.В.* Николай Рубцов: Заметки о жизни и творчестве поэта. – М.: Советская Россия, 1976. – С. 83.

⁷ См.: *Беженару Л.Е.* О русскости философской лирики Николая Рубцова // Известия Академии педагогических и социальных наук. – М., 2010. – С. 371–375; также см.: Библиотечное дело. – 2010. – Вып. XIV, № 12 (126). – С. 51–55.

Крест символизирует конец жизненного пути и начало «иного мира»:

Рукой раздвинув
 темные кусты,
Я не нашел и запаха малины,
Но я нашел могильные кресты...
(«Над вечным покоем», 1966) [1, с. 221]

Ромашки (явление жизни на земле) и *кресты на могиле* (явление жизни после смерти) – образы, воплощающие соединение земного и небесного существования. Сельское кладбище выступает как своего рода граница между двумя мирами и одновременно как место, связанное с таинством перехода из мира земного в мир вечный (см.: [1, с. 221]).

В черновом варианте стихотворения «В дороге» <1957> крест на могиле вызывает у лирического героя трепет и страх перед загробной жизнью:

В том саду кресты и плиты
Пробуждают страх в груди... [3, с. 268]

Образ креста возникает в описании похорон в крещенские морозы в стихотворении «Идёт процессия» (1967).

На ветхом кладбище – сугробы
И в них увязшие кресты, –

замечает поэт [1, с. 294].

Для Рубцова этот путь к последнему земному приюту является символом не смерти, а обновления, перехода в жизнь вечную. Человек уходит в мир иной во время отпевания – одного из семи главных таинств православной церкви – последнего пути человека к спасению, очищению, к вечной жизни души человеческой.

Смысловые и эмоциональные оттенки основного образного лейтмотива – *креста* – варьируются в строках стихотворения «Видения на холме» (1962).

Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы [1, с. 204], –

признается лирический герой этого стихотворения. И такое признание не случайно, ведь Н. Рубцов считал основными темами своего творчества темы родины и скитаний, жизни и смерти, «любви и удали» [3, с. 376]. Он предполагал, что стихи долговечны тогда, когда они связаны с личными переживаниями и размышлениями (см.: [3, с. 376]).

Любовь поэта к Родине находит выражение и в его внимании к ее историческому прошлому. В стихотворении «Видения на холме» Н. Рубцов передает сложную диалектику исторического процесса, соотнося прошлое с сегодняшним днем, используя словесные повторы. Многократное повторение в этом произведении слова «крест» усиливает в нем мотив предостережения о грозящей Родине опасности.

И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
 в окрестности
 России...
Кресты, кресты... –

с горечью восклицает поэт [1, с. 204].

Н. Рубцов в своем творчестве уделяет особое внимание образу *креста* как одному из центральных символов православия, который означает терпение, веру в воскресение. Но в рассматриваемом нами стихотворении могильный крест символизирует разорение Родины и многочисленные человеческие жертвы.

К умиротворению, ощущению цельности и гармонии мира возвращает нас финал «Видений на холме», следующий за его драматической центральной частью.

И надо мной –
 бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье... –

возглашает поэт в последних строчках этого стихотворения [1, с. 205].

Слово *крест* в поэтическом языке Н. Рубцова порой приобретает трагическое и вместе с тем жизнеутверждающее звучание. Например, в стихотворении «Плыть, плыть...» (1969), где автор восклицает:

Каждому на Руси
Памятник – добрый крест! [2, с. 24]

Сам поэт уповал на «тихий крест», прося об этом в художественно прекрасной молитве «До конца» <1969>:

До конца,
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста! [1, с. 228]

Эта чистота, готовность поэта нести свой крест до конца сделали поэзию Н. Рубцова духовным откровением конца XX века.

Примечание

¹См.: Барakov В.Н. «И не она от нас зависит...» Заметки и размышления о поэзии Николая Рубцова: Пособие к спецкурсу. – М.: Вологда, 1995. – URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/zav/isit/index.htm>.

А.Е. Новиков
г. Череповец, Россия

Образы будущего в лирике Н.М. Рубцова

В статье рассматриваются две модели будущего, получившие воплощение в лирике Н.М. Рубцова: во-первых, судьба России, будущее Отечества, которое поэт тесно связывает с его прошлым и настоящим, с верой в «вечную Россию»; во-вторых, судьба самого поэта. Здесь Н. Рубцов приходит от оптимистической модели своего будущего – к пессимистической, к предчувствию своей трагической гибели.

Ключевые слова: лирика Н.М. Рубцова, образы будущего, «вечная Россия», судьба поэта.

А.Е. Novikov
Cherepovets, Russia

Future in verses of N.M. Rubtsov

In article two models of the future which have received an embodiment in lyrics of N.M. Rubtsov are considered. It is the first the destiny of Russia, the future of the Fatherland which the poet closely connects with its past and the present, with belief in the “eternal Russia”. Secondly, it is the destiny of the poet. Here N. Rubtsov

comes from the optimistic model of the future to pessimistic one, to the presentiment of the tragic death.

Keywords: lyric poet N.M. Rubtsov, images of the future, "eternal Russia", destiny of the poet.

Образы будущего занимают значительное место в лирике Н. Рубцова. С одной стороны, они связаны с осмыслением будущего России, с другой – с личной судьбы поэта.

Вообще образ России, Руси – центральный в творчестве поэта. В своих произведениях Рубцов обращается к осмыслению прошлого, настоящего и будущего своего Отечества, судьба которого тесно переплетается с судьбой лирического героя, в котором находят несомненное отражение и реалии жизненного пути, черты личности самого автора.

При этом, на наш взгляд, следует обратить внимание на одно важное обстоятельство, связанное с тем, что Рубцов жил в эпоху советской истории, известную, помимо всего прочего, как время активного строительства коммунизма в нашей стране. Ведь тот же Н.С. Хрущев, с именем которого связывается в истории период так называемой оттепели («хрущевской оттепели» или «хрущевского десятилетия»), как именуется он в современных учебниках отечественной истории) в 1980 г. обещал не только показать по телевизору «последнего попа», но и построить к этому времени в Советском Союзе коммунизм. Поэтому пафос «построения нового общества и нового человека»¹ был во многом определяющим в годы, когда сформировалось поэтическое дарование Н. Рубцова, что нашло определенное отражение и в его творчестве. Можно сказать, перефразируя А.С. Пушкина, «он коммунизму отдал честь»... Например, в целой серии стихотворений, посвященных Ленину, партии и коммунистам (они были написаны поэтом в конце 1950-х – начале 1960-х гг.), в которых есть и строчки о «светлом будущем».

Жить не умеем без смысла мы.
Знаем: всегда в пути
Надо быть с коммунистами,
Чтоб в коммунизм войти [2, с. 244], –

писал матрос Рубцов в стихотворении «Слово о партии», опубликованном в североморской газете «На страже Заполярья» 20 мая 1959 г.

(см.: [2, с. 293]). Тема получила развитие в другом поэтическом произведении поэта.

Надо
 быть
 с коммунистами
В славе, в мечте, в борьбе!
Надо пути каменные
Всем испытать на себе,
Чтобы на другого не сваливать
Трудности честных дорог,
Чтобы дороги осваивать,
Слившись
 в железный
 поток!
Надо быть
 с коммунистами
В разуме ясном, в душе –
Счастлив, кто этого истинно
В жизни добился уже!
В дом коммунизма
 лучистый
Вход не с любого пути:
Надо
 быть
 с коммунистами,
Чтоб в коммунизм войти! [2, с. 250] –

такое рубцовское стихотворение было напечатано в газете «Вологодский комсомолец» от 21 июня 1964 года (см.: [2, с. 294]).

Однако нет никаких сомнений в том, что эти «газетные» стихи поэта ни в коей мере не отражают его сокровенных раздумий о судьбе России и ее будущем. Примечательно, что ни одно из них не было включено Рубцовым ни в один из его прижизненных сборников. А когда, например, писатель С.П. Багров спросил друга-поэта, почему тот не включает в свои книги одно из стихотворений подобного рода («Октябрьские ветры»), то Рубцов ответил, что «писал» его «головой, тогда как надо было бы сердцем» (цит. по: [2, с. 294]). А сердцем, душой он, несомненно, тяготел к другому, едва ли не прямо противоположному взгляду на предначертанный коммунистической партией вектор разви-

тия России. Более того, по мнению поэта, курс на «светлое будущее» оказывается во многом опасным, губительным для России и русского народа.

Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!
Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, всё понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля – останься, моё божество! –

с болью и тревогой пишет Н. Рубцов в своем программном стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны...» [1, с. 201–202]. И далее:

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!.. [1, с. 202]

Таким образом, Н. Рубцов стремится осмыслить судьбу своей Родины через обращение к ее прошлому, к основным духовным ценностям русского народа, к образу вечной России. И в этом – в опоре на национальные духовные ценности, на опыт прошлого – видит он залог для грядущего процветания Отечества. Об этом поэт говорит в завершающих строчках своего стихотворения «Видения на холме»:

Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они – и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной – бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье... [1, с. 205]
(курсив в цитате наш. – А. Н.)

Еще более проникновенно эта же мысль, эта вера в «вечную Россию» звучит в заключительных строчках рубцовского стихотворения «Старая дорога»:

Здесь русский дух в веках произошел,
И ничего на ней не происходит.
Но *этот дух пройдет через века!*
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака... [1, с. 265–266]

(курсив наш. – А. Н.)

Совершенно естественным при этом выглядит беспокойство Н. Рубцова за судьбу России, за сохранение ее духовных основ, национального своеобразия, которое явно проглядывает в известных строчках поэта: «Россия, Русь! Храни себя, храни!» [1, с. 204] (хотя формально они связаны с беспокойством лирического героя стихотворения «Видения на холме» за судьбу Родины, на которую напали «иных времен татары и монголы» – немецко-фашистские войска).

В этом контексте очевидной становится утопичность, ложность представлений о «светлом будущем», о построении коммунизма (действительно, как можно строить разрушая?). Отсюда, на наш взгляд, и ироническое обыгрывание темы коммунизма в ряде произведений поэта. Так, например, в «МУМе (марше уходящей молодости)» Н. Рубцов писал:

В коммунизм – таинственный зенит –
как в космос,
полетели мысли отдыхать,
как птички [2, с. 186].

А в шутливом рубцовском стихотворении «Жалобы алкоголика» есть такие иронические строчки:

...Ах, что я делаю?
За что я мучаю
больной и маленький
свой организм?..
Да по какому ж
такому случаю?..
Ведь люди борются
за коммунизм! [3, с. 166]

А о будущем системы, звавшей народ к «светлому будущему»,

Н. Рубцов в своем неподцензурном стихотворении «Поэт» (из сборника «Волны и скалы» 1962 г.) выразился довольно жестко и определенно.

Еще мужчины будущих времен,
(да будет воля их неустрашима!) –
разгонят мрак бездарного режима
для всех живых и подлинных имен! –

писал Н. Рубцов [3, с. 177].

Судьба лирического героя (в значительной мере отражающего черты личности самого поэта), его будущее как некий сюжет также занимают значительное место в лирике Н. Рубцова. При этом все имеющиеся в поэзии Н. Рубцова «сценарии» будущего лирического героя можно, на наш взгляд, разделить на две группы, включающие оптимистические и пессимистические варианты развития его судьбы.

Оптимистические «сценарии», на наш взгляд, можно разделить на три группы: романтические максималистские, романтические прагматические и ренессансные (т.е. связанные с возрождением веры героя в жизнь, надежды на лучшее).

Романтические максималистские «сценарии» отражают юношеские порывы героя к борьбе, к странствиям, к постижению мира во всем его многообразии. Такие мотивы, например, звучат в ранних «морских» стихах Рубцова.

Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал.
Чтоб для отважных вечно – море,
А для уставших – свой причал... [1, с. 47] –

читаем, в частности, в одном из них («Я весь в мазуте, весь в таво-те...», 1962 г.).

В ранних стихах Н. Рубцова появляется даже особая «морская» образность, которая находит отражение в размышлениях лирического героя о своем будущем вообще. Так, к примеру, в стихотворении «Желание» (1958 г.) поэт сравнивает бег жизни со стремительным движением торпедного катера.

Я хочу, чтоб времени фарватер
Не оставив где-то в стороне,
Жизнь промчалась, как торпедный катер
Мчит навстречу взмыленной волне! –

писал Н. Рубцов [1, с. 101].

Образ стремительного бега корабля жизни, будущего как непрерывного движения возникает и в другом рубцовском стихотворении:

В жарком тумане дня
Сонный встряхнем фиорд!
- Эй, капитан! Меня
Первым прими на борт!

Плыть, плыть, плыть
Мимо могильных плит,
Мимо церковных рам,
Мимо семейных драм...

Плыть, плыть, плыть... [2, с. 24]

(«Плыть, плыть, плыть...», 1970 г.).

Романтический порыв к странствиям как основе жизненного существования находит выражение и в стихотворении «Прекрасно небо голубое!» (1966) Правда, здесь он соединяется с мотивом бегства от жизненных неурядиц.

Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой!
– Какое место вам? – Любое.
Любое место, край любой, –

писал поэт [1, с. 278].

Романтически-прагматический сценарий будущего, на наш взгляд, находит воплощение в известном стихотворении Н. Рубцова «В горнице» (1965). Он связан не только с представлением о положительном развитии судьбы лирического героя, но и со стремлением «сконструировать» ее, «сделать» своими руками, выстроить определенным образом.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!
Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе... [1, с. 189] –

в этих строчках Рубцова возникает образ лодки как символа движения, судьбы человеческой, которую он сам себе кует.

Еще один оптимистический вариант сюжета будущего героя связан с воскресением надежд, веры в то, что еще не все потеряно, что жизнь принесет еще много прекрасных мгновений.

Кто мне сказал, что во мгле заметленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг? [1, с. 191] –

восклицает герой в стихотворении «Зимняя песня» (1965), очарованный «светлыми звездами» «тихой зимней ночи» и возрожденный тем самым к жизни.

Так вот, просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу...
Ну и ладно! И добро, –

пишет Н. Рубцов по сходному поводу в другом своем стихотворении («Выпал снег...», 1965 г.) [2, с. 66].

Стихи с пессимистическими сюжетами будущего лирического героя можно в свою очередь разделить на две группы. Одна из них, на наш взгляд, включает произведения с «предчувствиями осенними уже не лучших перемен» [1, с. 278], другая – стихи-пророчества.

Первая группа включает целый ряд известных стихотворений поэта, в которых лирический герой (автор) не находит перспектив для своего существования в этом мире. Вот одно из них – «Элегия»:

Отложу свою скудную пищу.
И отправлюсь да вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.

Пусть еще всевозможное благо
Обещают на той стороне.
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне... [2, с. 113]

В нем автор говорит о том, что не находит себе места в жизни, не видит больше смысла в своем существовании.

Из недобрых предчувствий рождается пророчество:

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы [2, с. 110].

Так поэт предсказывает время своей трагической смерти – он поги-

баат в Крещенскую ночь (с 18 на 19 января 1971 г.). Увы, «шестое чувство» не подсказало Рубцову от чьей руки он может погибнуть...

Кстати, если начало этого «пророческого» стихотворения постоянно цитируется исследователями, то на вторую его часть обращается гораздо меньше внимания. Хотя, по нашему мнению, она тоже достаточно любопытна...

А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском,
и в потемки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя! [2, с. 110] –

продолжает Н. Рубцов далее...

Если это предсказание, то очень необычное. Но, думается, «пророчество» о судьбе могилы поэта навеяно, скорее всего, его воспоминаниями о прошлом. Интересный комментарий по поводу этого мы нашли в воспоминаниях земляка Рубцова – Н.И. Шестакова. Рассказывая о судьбе храма Святителя Николая в селе Никола в советские годы, Николай Иванович отмечает, что «когда в тридцатые годы прошлого века храм закрыли, кладбище решили перенести и устроить на правом берегу реки Толшмы, напротив церкви. Но получилось не очень удачно, потому что часть кладбища почти ежегодно во время паводка затопляет. Часть могил оказывается под водой. Бурные потоки иногда вырывают могильные кресты. А многие, особенно дети, считают, что там и гробы всплывают»². «Этим, возможно, навеяны и соответствующие строчки в известном стихотворении Н. Рубцова»³, – считает Н.И. Шестаков.

В творчестве Н. Рубцова есть и «пророческие» (шутливые и серьезные) стихи о посмертной судьбе поэта.

Мое слово верное
прозвенит!
Буду я, наверное,
знаменит!
Мне поставят памятник
на селе!
Буду я и каменный
навеселе!.. [2, с. 214] –

пишет Н. Рубцов в одном из них. Действительно, он стал и знаменит, и памятники ему поставили не на одном «селе». Разве что памятников «навеселе» не бывает...

И, наконец, последнее стихотворение Н. Рубцова, на которое хотелось бы обратить внимание в контексте нашей работы – «Экспромт» (1967 г.), но вполне серьезный, на наш взгляд, хотя и отнесенный к разделу шуточных в известном 3-томном собрании сочинений поэта:

Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,
Пройду по волоку с мешком –
И буду жить в своем народе! [2, с. 210]

(выделено нами. – А. Н.)

Здесь, кажется, все исполнилось в полной мере. Н. Рубцов сегодня – подлинно народный поэт и, действительно, живет в своем народе!..

Примечания

¹ Барakov В.Н. Лирика Николая Рубцова (опыт сравнительно-типологического анализа) [Электронный ресурс]: Учеб. пособие по спецкурсу. – Вологда, 1993. – URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/lir/ika/rub/tso/va/2.htm> (дата обращения: 29.03.2014).

² «Люблю я деревню Николу...» (Беседа А.Е. Новикова с Н.И. Шестаковым, земляком поэта) // «Душа, подобная звезде...»: Череповецкий венок Рубцову: Воспоминания, стихи, статьи, эссе / Ред.-сост. А.Е. Новиков. – Череповец: ЧГУ, 2011. – С. 62.

³ Там же.

Л.Е. Беженару
г. Яссы, Румыния

«Звезда полей», которая провела через «волны и скалы».
Николай Михайлович Рубцов (1936–1971)

В данной статье содержится краткий обзор жизненного и творческого пути выдающегося русского поэта современности Н.М. Рубцова. Предпринимается попытка показать важнейшие особенности его поэзии.

Ключевые слова: Николай Рубцов, русская литература, лирика, культ земли, экзистенциальные темы, мир патриархальной деревни, метафорическая поэзия, печаль.

Время от времени происходят внезапные всплески ярких самобытных голосов в гигантском хоре русской лирики. Русская поэзия 1920–1970-х гг., следуя по стопам Блока и Есенина (которые являются предметом восхищения во всем мире), развивала лучшие традиции литературы серебряного века. При этом в середине двадцатого столетия она была представлена различными направлениями. Одно из них – «петербургское» – вело свое происхождение от акмеизма и наследовало литературный опыт А. Блока, И. Анненского и А. Ахматовой, второе, «московское», тяготело больше к футуристическому движению и являлось правопреемником произведений В. Хлебникова, Б. Пастернака, М. Цветаевой и В. Маяковского. Наконец, третье направление, обозначаемое как «крестьянская поэзия» или, более традиционно, – «деревенская поэзия», восходило к лирике Н. Клюева.

Полвека спустя после Блока и Есенина явился – долгожданный и одновременно неожиданный – Николай Рубцов, народный поэт России конца XX века, признанный уже в своей стране классиком. Примечательно, что только в период демократизации русского общества было осознано подлинное значение его поэзии, воплотившей в себе и широкий размах, и тихую кротость духа. Поэзия Н. Рубцова – явление чисто русское, отражающее тончайшие изменения души и окружающего мира, открытое для незначительных жизненных мелочей и в то же время связанное с вечностью, достигающее необычайных высот и глубин в воплощении национального идеала. Рубцов – нежный и тонкий лирик – отразил в своем творчестве глубокие связи с природой России, с миром русской патриархальной деревни. Продолжая художественные традиции философской, элегической поэзии Ф. Тютчева и А. Фета, по-

эт воплощает в своих стихах русский дух во всей его полноте и самобытности.

Воплощение великих, экзистенциальных по своему характеру тем России, заветной родной земли связано у Рубцова с выражением мучительной любви к родной природе, к дому «с крапивой под оконцем» [1, с. 291] («избе»), с своеобразным культом земли, являющимся одной из постоянных черт русской идентичности.

Символом русской земли для Рубцова стал образ поля, бескрайнего пространства Руси, некоторые точки которого (Ферапонтово, Катунь и др.), явились координатами души поэта в поисках самой себя.

Мир Рубцова – это мир патриархальной деревни, с ее вечными устоями, проникнутый философией добра. Он со светлой грустью поет о Вселенной и видит в этом патриархальном мире «венеч чудес мира». Выражая в своих словах любовь к России, поэт умом и душою обнимает всю планету и чувствует потрясение при мысли о крушении «в самых дебрях мироздания» его части – поезда, в котором он мчится куда-то «с лязганьем и свистом» [1, с. 262]. Его поэзия проникнута глубокими размышлениями о жизни, он как отшельник и скиталец странствует по миру, стремясь когда-либо найти свое место в нем. Стихи Рубцова простые, теплые и эмоциональные. Он изображает птиц и детей; холмы и дороги ... Большое дарование поэта проявляется и в стихотворении о медведе, в которого «выстрелил лесник» [2, с. 120], и в стихах об одиноком зайце или о ласточке, у которой «выпал птенец из гнезда» [2, с. 126]...

При жизни Рубцова были изданы только пять его поэтических сборников. Значительная часть стихов поэта была опубликована уже после его нелепой смерти 19 января 1971 года. Среди прижизненных сборников Рубцова – «Звезда полей» (1967 г.) и «Волны и скаль» (1962 г.), имевшие определенный успех и принятые во многом как манифест против урбанизма.

Сборник «Волны и скаль» (1962 г.) представляет собой антологию разных по характеру стихов: радостных, печальных или озорных, шуточных, поэтому эпиграфом к нему вполне можно считать слова «игра и бунт», в том смысле, что игра, ирония, которые определяют особенности содержания многих произведений этой машинописной книги, являются одной из форм «кокетства» с художественными образами, их использования автором. Стихи Рубцова глубоко лиричны, субъективны, искренни, тем более что они вдохновлены собственным жизненным опытом поэта. Кроме ироничных стихов, в сборнике есть немало серьезных, имеющих социальную направленность стихотворных про-

изведений, считающихся самыми острыми лирическими творениями того времени. «Волны и скалы» были отредактированы и «изданы» (отпечатаны) в шести экземплярах другом Рубцова – поэтом Б. Тайгиным. Сборник является библиографической редкостью.

Название другого сборника – «Звезда полей» – это не обычная фраза: оно объединяет в себе два разных вселенских начала: космическое («звезда») и земное («русское поле»), тем самым указывая на пространственные координаты творчества поэта. Таким образом, название сборника имеет глубокий смысл: с одной стороны, в нем заключен призыв к высокому, к свету, а с другой – оно говорит о необходимости сохранять верность безграничной, нежной русской земле. Кстати, следует отметить, что «звезда полей» переводится на румынский как «звезда поля» (а не «полей», как в английском переводе, или «этого поля»), что, на наш взгляд, хорошо отражает специфику лирической вселенной Рубцова, подчеркивая, что это наименование относится именно к русской земле (русскому полю), а не к полю вообще как некоему абстрактному пространственному (географическому) образу. Автор «Звезды полей», по мнению многих, – гениальный поэт, изменяющий значение «*ars poetica*» («искусства поэзии»); проводимая в его творчестве поэтическая линия направлена на воплощение картины гармоничного мира, раскрытие тайны жизни и смерти. Как отмечалось, изданный в 1967 году сборник стал «самым замечательным и оригинальным явлением, книгой, отличавшейся подлинным лиризмом, равным есенинскому, но абсолютно самобытным». Рубцовская привязанность к русской деревне была настолько велика, что поэта считали носителем ее «божественных тайн», воплотившим их в некоторых безошибочно точных оттенках своих лирических образов.

Что же касается особенностей литературного дискурса поэта, то, можно заметить, что преобладающими в нем являются мотивы «печали» (грусти), во многом отражающие драматические коллизии жизненной судьбы Рубцова (начавшиеся с потери матери и вынужденного расставания с близкими, с опыта его сиротской жизни, а затем связанные с его первой безответной любовью, отсутствием семьи и, конечно же, с постоянным стремлением поэта к странствиям, бродяжничеству, чтобы быть свободным).

В лирических созданиях Рубцова есть несколько удивительных литературных образов, среди которых стоит отметить метафоры-олицетворения («заря», которая, «светясь по сосняку, горит, горит, и лес уже не дремлет» [1, с. 247]), сравнения («в своей печали бесконечной плывут, как мысли, облака» [1, с. 223]), а также множество эпитет-

тов, которые приносят свет, цвет и живописность в художественные образы.

Талантливый поэт, Рубцов считал поэзию воплощением света (по его мнению, то, что связано с тьмой, безобразным, – не искусство, не поэзия), поэтому его лирическая вселенная оживляется светлыми образами – это мать, добрый Филия, все персонажи стихов для детей и т.д. Поэзия Рубцова также является своеобразным ответом на «роботизацию» жизни. Хотя поэт и считается «тихим» лириком (но не в смысле конформизма), в своей, слегка элегической манере он отвечает на вызовы научно-технической революции, выражая глубокую «тоску» по другой, мирной жизни в бескрайних просторах России, когда душа возвращается к своим истокам. В то же самое время вечные вопросы бытия не дают ей покоя, который, как считает Рубцов, она не сможет обрести даже после смерти...

Недолгие тридцать пять лет жизни поэта вобрали в себя многое: сиротство в детском доме, мечты о море, военную службу на флоте, учебу в школе и институте, странствия по родной земле и всей России... Наконец, трагическая смерть... А позади него словно бы осталось пространство, наполненное ветром и снегом. И мучительное чувство потери, которое не могут восполнить даже посмертные издания сборников его стихов...

Горькая трагедия его жизни заключалась и в том, что в своей огромной стране он долгое время жил без пристанища, фактически без крыши над головой. Его домом была Россия, и ее жизнь, хорошая или плохая, служила источником вдохновения для поэта. «Привет, Россия – родина моя! Как под твоей мне радостно листвою!» – искренно восклицает Рубцов, считая себя одним целым с родной землей [1, с. 291].

Для широкой публики имя Рубцова связано с национальной традицией, с народной поэзией, с русским музыкальным фольклором, тогда как для более искушенного читателя очевидно, что он является гением мирового масштаба, классиком всемирной литературы. Его поэзия (тихая) требует чтения в ритме, предложенном самим автором, и, только глубоко вникнув в нее, можно в полной мере оценить поэтическую вселенную Рубцова, которая, несомненно, ставит его в число великих поэтов мира. Стоит также отметить, что он был и прекрасным переводчиком поэзии Осетии и Дагестана. Заслуживает пристального внимания и личность Рубцова, ставшая живым воплощением творческого духа красоты, патриотизма и таланта, которыми его одарила родная земля.

После смерти Рубцова превозносили его друзья, поклонники и био-

графы, сборники его стихов были переизданы миллионными тиражами, сделав имя поэта бессмертным. Он был запечатлен в бронзе – в памятниках Вологды, Емецка, Санкт-Петербурга, Череповца; в память о нем проводятся фестивали – «Рубцовская осень» в Вологде и «Звезда полей» в Москве; на его стихи созданы сотни песен, музыку для которых написали Е. Дога, Ю. Садовник, В. Мищук и многие другие композиторы. Однако ничто не может заслонить трагедии того, что лирический голос одаренного поэта, национального гения умолк намного раньше срока. Осталось мучительное чувство утраты, которое несколько скрашивает только обращение к его творческому наследию.